

Т.М. Гуревич

Японский язык: проблема перевода зоонимов

Всякий перевод представляется мне безусловной попыткой решить невыполнимую задачу. Ибо каждый переводчик неизбежно должен разбиться об один из двух подводных камней, слишком точно придерживаясь либо подлинника за счёт вкуса и языка собственного народа, либо своеобразия собственного народа за счёт подлинника.

Вильгельм фон Гумбольдт

Широкое использование названий животных для образной характеристики человека и его действий легко объясняется вневингвистическими причинами. Повадки и образ жизни птиц и рыб, зверей и насекомых вызывают вполне определенные ассоциации с внешним видом и поведением человека.

Японцы очень часто, значительно чаще, чем русские сравнивают человека с представителями фауны. Следует отметить, что японцы не только иначе нежели мы видят и оценивают поведение и характер различных животных, но, сравнивая с ними человека, значительно расширяют их список, включая в него морских обитателей, различных насекомых, незнакомых нам обитателей субтропиков¹. Внимательное отношение этого народа к природе проявляется и во внимании, с которым они замечают особенности и повадки даже таких мелких её представителей как насекомые или моллюски. Многие сравнения представляются для нас весьма неожиданными: рот маленький, как у рыбы «фугу», человек неуклюжий как рыба-удильщик, губы пухлые, как рыбаья икра в ястычной оболочке, губы тонкие, как у змеи или как у лягушки, руки нежные, как рыба-лапша, волосы грязные, как прибрежные водоросли, зубы острые, как у акулы, голос звонкий, как у мыши или как у летучей мыши, глаза большие, как у морского окуня, глаза маленькие, как у акулы. Густые брови человека ассоциируются в сознании японцев с мохнатой гусеницей многоножкой-мухоловкой, а тонкие с дождевым червем, причем если первые считаются некрасивыми, то во втором случае нет отрицательной коннотации, у носителя русского языка такое сравнение, скорее всего, вызовет негативную реакцию.

Для переводчика часто весьма нелегкой задачей является адекватный перевод с японского языка фраз, содержащих наименование различных представителей животного

¹ Подробнее об этом см. Гуревич Т.М. *Человек в японском лингвокультурном пространстве* – М., изд. МГИМО Университет, 2005.

мира. Трудности предопределяются, в основном, двумя причинами, а именно, различными коннотациями, связанными с теми или иными представителями фауны, и отсутствием в активном словаре русского языка слов, называющих, например, хорошо знакомых японцам обитателей моря или насекомых.

Не удивительно, что японцы очень внимательны ко всему, что связано с водной стихией. Жизнь этого народа неразрывно связана с морем, которое кормит людей, дает работу и защищает от внешних врагов. Чрезвычайно благоприятные условия для существования самой разнообразной морской живности у берегов Японии обусловили наличие там 3 492 видов рыб, моллюсков и морских животных. Для сравнения можно сказать, что в Средиземноморье водится всего 1322, а у западного побережья Северной Америки 1 744 их вида.² Стоит ли говорить, что не только русский, но и другие, «более знакомые с морем» европейские языки значительно беднее японского в области лексики, использующейся для обозначения морской фауны. Будучи по сути своей безэквивалентной, такая лексика не может быть отнесена к реалиям, описательный перевод вряд ли внесет необходимую определенность в представление читателя о той или иной морской твари.

Трудности возникают и тогда, когда при переводе мы сталкиваемся с обозначением знакомых русскому языку морских обитателей. Общеизвестно, что одни и те же представители фауны для разных народов являются зачастую носителями разных качеств, и сравнение с ними характеризует людей по разным признакам. Например, для русских рыба – олицетворение молчаливости, а вот японцы активного болтуна и общительного человека обычно сравнивают с сайрой, подметив характерную для этой рыбки юркость и активность движения. С сайрой сравнивают они также глупого и легкомысленного человека.

Перевод национально маркированных образных средств с буквальным сохранением образа оригинала может привести к искаженному восприятию смысла текста. Например, морской окунь – *тай* – считается в Японии ценной промысловой рыбой, поэтому японцы говорят *кусаттэ мо тай* – букв. «хоть и протух, но окунь» и *иваси-но атама-то нару ёри ва тай-но о-ни цукэ* - букв. «лучше быть хвостом окуня, чем головой иваси». Если вторую поговорку ещё можно перевести на русский язык с полным сохранением образности или заменой «иваси» на обобщенный образ «мелкой рыбешки», то при переводе первой лучше отказаться от образности и передать её значение – «возраст вещи не очень влияет на её значимость».

² Мещеряков А.Н. *Книга японских символов* – М., Наталис, 2003, с.396.

Моллюск *аваби*, который по-русски называется «морское ушко», не вызывает у носителей этого языка кроме зрительных – его раковина напоминает ухо – никаких ассоциаций, у японцев ассоциируется с неразделенной любовью и одиночеством. О любви без взаимности говорят *исобэ-но аваби* – букв. «морское ушко» на берегу моря», неразделенная любовь называется *аваби-но катаоми* – букв. «любовь без взаимности моллюска «морское ушко». Для японцев вполне естественно уподобление человека с *аваби*, но на русском языке это сравнение лучше передать, не уточняя названия моллюска, но сохраняя образ: «одинок, как ракушка, выброшенная на песок».

Фразеологизмы всегда занимают лидирующее положение в каталоге «труднопереводимости», наличие в их составе зоонимов заставляет переводчика ещё больше поломать голову. Порой бывает очень трудно сделать выбор, например, сохранять ли семантически прозрачный образ оригинала в выражении *донсю:-но уо* – «громкая рыба», заменить его на эквивалентный образ «знатная птица», или, следуя нейтральной стилистике японского текста, отказаться от образности и перевести просто «значимый человек».

В японских устойчивых словосочетаниях, пословицах и поговорках довольно часто встречаются энтомосемизмы. Этим объясняется и привычное для японцев сравнение человека с различными насекомыми.

Робкого человека японцы могут сравнить с насекомым, при этом в сравнение не вкладывается никакого отрицательного смысла, поскольку считается, что *иссун-но муси-ни мо гобун-но тамаси* – «и у маленького насекомого душа составляет пятую часть от него».

Одна из японских поговорок, положительно оценивающих неговорение, тоже обращается к образу насекомого: *дамари муси-га кабэ-о тоокасу* – «молчаливый жучок проходит сквозь стены». Тот, кто целеустремлен и настойчив, в представлении японцев похож на таракана или муравья, ленивый и болтливый – на сверчка.

Верный возлюбленный в японской лирике сравнивается со светлячком, за которым укрепился положительный образ молчуна, а несерьезный ветреник и болтун уподобляется какому-нибудь стрекочущему насекомому, например, кузнечику или тому же сверчку.

Как и русские, аккуратного, настойчивого и трудолюбивого человека японцы сравнивают с муравьем: *сэндзё:-но цуцуми-мо ари-но ана-кара* – «плотина длиной в тысячу дзё³ разрушается от муравьиной норки».

Очень худого человека по-японски можно сопоставить даже не с целым насекомым, а с его частью: *ка-но сунэ-но ё:ни ясэта хито* – «тощий, как голень комара».

³ Дзё: - мера длины, равная 3.03м

О бессильных угрозах японцы говорят *то:ро:-но оно-о фуру* – «потрясать топором жучка – богомола». Здесь мы встречаемся с «разночтением» образа насекомого в языковых картинах мира русских и японцев. Если последним кажется, что жучок делает движения, похожие на взмахи топором, то русские уподобляют эти движения поклонам богомольца.

Насекомое «восточная медведка» - *кэра*, вероятно, из-за того, что она издаёт какой-то очень жалобный звук, представляется японцам совершенно неплатежеспособной: выражение *кэра-ни натта*, букв. «стал /превратился в/ кэра» имеет значение «остаться «на бобах», быть без денег». У японцев образным сравнением для бедняка, которому не во что одеться является ещё одно насекомое - безволосая личинка *хадакамуси*. Совершенно очевидно, что было бы совершенно неправильно пытаться переводить это японское сравнение русским «гол как сокол».

Сохранение оригинального образа иногда может обернуться искажением замысла автора. Например, у русского читателя, прочитавшего фразу: «По её губам, влажным и изящным, как свернувшаяся колечком пиявка, казалось, скользил отраженный свет даже тогда, когда они смыкались, и было в этом, как и в её теле, что-то зовущее и соблазнительное»⁴, вряд ли вызовет симпатию девушка, губы которой сравнивают с пиявкой.

О хорошем знании энтомологии свидетельствует японское шутовское сопоставление супружеской пары, в которой жена выше и крупнее мужа: *номи-но фуфу*, букв. «блошиная пара, супруги – блохи». В России, пожалуй, только профессиональные энтомологи знают о соотношении размеров пары блох, поэтому сохранение этого забавного образа при переводе, увы, не приемлемо.

Образ может быть сохранен при переводе японской характеристики трусливого человека *номи-но синдзо*: – «сердце блохи».

Когда русские говорят «палить из пушки по воробьям», японцы называют более изощренный приём, а именно: *хирами-но хада-о яри-дэ согу* – «пронзать копьем шкуру вши». При переводе этой, как и следующей поговорки энтомологический образ сохранить не удастся. Хорошо, что и пушки, и воробьи имеют место и в японской национальной картине мира, поэтому в данном случае при переводе возможно сохранение образности, правда, с заменой образа.

Абухати торадзу – «не поймать ни овода, ни пчелу» соответствует русской поговорке «за двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь», и именно так её обычно и переводят.

⁴ Кавабата Ясунари *Снежная страна* – М., Прогресс, 1971, с. 224 (перевод З. Рахима)

Специальное исследование стоило бы посвятить образам насекомых в японской поэзии. В произведениях Басё, Буссона и других известных и неизвестных, древних и современных авторов встречаются десятки, если не сотни, наименований различных видов насекомых. Многие из них совсем неизвестны европейцам, словари, в лучшем случае предлагают лишь их латинское название. О.А. Корнилов отмечает, что «четырёхтомный академический Словарь русского языка содержит 79 названий насекомых, следовательно - лексико-семантическая группа русских энтомосемизмов состоит из 79 слов».⁵ В регулярно издающемся японском толковом словаре Кодзиэн по нашим самым приблизительным подсчетам приводится около 300 названий насекомых, причем для 70 из них имеются иллюстрации.

При переводе нам, к сожалению, часто приходится прибегать к так называемому смысловому выравниванию, обозначая какое-то конкретное видовое название насекомого более общим даже в тех случаях, когда можно найти в словаре или справочнике точный перевод японского слова. В результате такого перевода неизбежно теряется смысловое содержание образа, связанное в представлении японцев именно с упомянутым в подлиннике насекомым.

Возможно, не стоило бы специально поднимать вопрос об особых трудностях перевода энтомологизмов, если бы в японской литературе не столь часто встречались бы «энтомологические» сравнения. Вот, например, только в романе «Женщина в песках» Абэ Кобо есть сравнения с песочными жуками (жуки называются разными японскими словами, в справочниках приводятся их латинские названия *Cicindelidae*, *Cicindela chinensis*, Degeer), с личинками бабочки-мешочницы, со скорлупкой, сброшенной летней цикадой, с божьими коровками, с крылышками и полетом стрекозы, с осой, кладущей яйца, с жужелицей-разнолапкой.

Вот, например, как герой этого же произведения воспринимает насекомое: *модзомодзо то наника-га аси-но ко:-о хаттэиру...ханмё:дзоку нара анна арукиката хасикконай...до:сэ хиндзякуна роппон аси-дэ ятто тайдзю:-о хикидзуттэиру гомимуси ка нан дзо*. Только энтомолог может понять текст, максимально близкий японскому оригиналу: «что-то щекочет лодыжку... для *Cicindelidae* такая нерасторопная походка...вообще-то это Degeer еле-еле волочащий себя шестью тоненькими ножками».

⁵ Корнилов О.А. *Языковые картины мира как производные национальных менталитетов* – М., ЧеРо, 2003, с. 28.

В.С. Гривнин⁶ предлагает такой вариант перевода: «Что-то ползет по ноге. Судя по «походке», это не шпанская мушка. Скорее всего - земляной жук, с трудом волоочащий себя шестью слабенькими ножками». Насекомые приобрели некоторую индивидуальность, но можно ли согласиться с таким изменением образов? Cicindelidae – красивое насекомое, размером около двух сантиметров, шпанская мушка (*Lytta vesicatoria*)– имеет чуть меньшие размеры, издает резкий неприятный запах, но, главное, живет не в песках, а среди зелени.

Жители мегаполисов XXI века всё больше отдаляются от природы, но японцы остаются очень внимательными к окружающей природе и к самым маленьким ее представителям, и современные японские авторы не меньше, чем поэты и писатели прошлого упоминают в своих произведениях самых разных представителей фауны. Следовательно, нам ещё долго придется сталкиваться с проблемой перевода зоонимов.

⁶ Кобо Абэ *Женщина в песках Чужое лицо* – М., Художественная литература, 1988, с.122. (перевод В. Гривнина)